

ЕВАНГЕЛЬСКИЙ КОНТЕКСТ ОБРАЗА КНЯЗЯ МЫШКИНА В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ»

Дарья Романовна Железняк

студент магистратуры ФГАОУ ВО СКФУ
355017, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1
soul.darya@bk.ru

Для цитирования: Железняк Д. Р. Евангельский контекст образа князя Мышкина в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» // Слово и образ. Вопросы изучения христианского литературного наследия. 2022. № 1 (6). С. 73–81. DOI: 10.31802/WI.2022.6.1.006

Аннотация

УДК 82.091

Антропоцентризм художественного мира Ф. М. Достоевского, так или иначе связываемый с общим религиозно-философским вектором его исканий, занимает особое место в современных исследованиях творчества писателя. В данной статье осуществляется анализ евангельского контекста романа Достоевского «Идиот». Целью работы является описание смысло- и формообразующих доминант, заложенных в образе князя Мышкина и обуславливающих общую динамику сюжетного и композиционного развёртывания произведения. Данная цель достигается путём использования структурного, интертекстуального и концептуального методов, которые сосуществуют в исследовании в рамках герменевтического подхода. В работе предпринимается попытка анализа значения евангельского контекста не только в процессе конституирования «положительно прекрасного» образа Мышкина, но и в формировании структуры романа «Идиот», его смыслового поля в целом. Насыщенность романа евангельскими аллюзиями, его структурная соотнесённость с динамикой боговоплощения, всеобщей потери Бога и пронизывающей текст надеждой на Воскресение рассмотрены здесь в их непосредственной связи с этическими и аксиологическими установками автора в отношении образа князя Мышкина.

Ключевые слова: образ Мышкина, евангельский контекст, характерологический комплекс, христоморфизм, смыслопорождение, моноцентризм, этический идеал.

**The Gospel Context and its Connection
with the Prince Myshkin in the Novel «The Idiot»
by F. M. Dostoevsky**

Daria R. Zheleznyak

Student at the North-Caucasus Federal University

1 Pushkina Street, 355017 Stavropol, Russia

soul.darya@bk.ru

For citation: Zheleznyak, Daria R. «The Gospel context and its connection with the Prince Myshkin in the novel “The Idiot” by F. M. Dostoevsky». *Word and Image: Questions of Studying the Christian Literary Heritage*, № 1 (6), 2022, pp. 73–81 (in Russian). DOI: 10.31802/WI.2022.6.1.006

Abstract. The anthropocentrism of F. M. Dostoevsky's artistic world, which is associated with the general religious and philosophical vector of his searches, occupies a special place in modern studies of the writer's work. This article appeals to the evangelical orientations of Dostoevsky's novel «The Idiot», analyzed through the prism of «whole in the form of a hero», which is given in the novel. The purpose of the work is to designate and describe the meaning- and form-shaping dominants embedded in the image of Prince Myshkin, determining the overall dynamics of the plot and compositional development of the work. This goal is achieved with the use of structural, intertextual and conceptual methods that coexist in research within the hermeneutic approach. Thus, the work attempts to analyze the meaning of the gospel context not only in the process of constituting the «positively beautiful» character of Myshkin, but also in shaping the structure of the novel «The Idiot», its semantic field as a whole. The saturation of the novel with gospel allusions, its structural correlation with the dynamics of the incarnation, the universal loss of God and the hope of the Resurrection that permeates the text are considered here in their direct connection with the author's ethical and axiological attitudes towards the image of Prince Myshkin.

Keywords: image of Myshkin, gospel context, characterological complex, christomorphism, meaning generation, monocentrism, ethical ideal.

В одной из работ, посвящённых обзору современного состояния изучения библейского контекста в творчестве Достоевского, утверждается, что «новая научная концепция нашей словесности сложилась, “христианская революция в русском литературоведении” совершилась»¹. А потому, подходя к процессу анализа творчества писателя, необходимо осознавать значение христианских религиозно-философских доминант, входящих в аксиологическое поле его художественного мира, а также соотносить авторскую нравственно-эстетическую «концепцию человека» с образами его героев-идеологов.

В художественном мире Достоевского можно выделить идейно-концептуальное ядро, состоящее из следующих компонентов: «Бог», «народ», «жизнь» («живая жизнь» как высшее её проявление), «смерть», «сердце», «болезнь», «свет», «тьма», «Христос» и др. Тема Христа была для писателя не столько делом литературного воплощения, сколько проблемой внутренней иконичности человека. То есть, в этическом плане для Достоевского Христос — идеал, причём идеал «видимый, осязаемый, воплощённый и воплотимый»²; но с точки зрения аксиологии — главную ценность для него представляет сам человек, его бессмертная душа. При этом, как отмечает Т. А. Касаткина, антропоцентризм Достоевского имеет особую черту — писатель практически всегда говорит о человеке «в перспективе Бога»³. Роман «Идиот» позволяет рассмотреть те аспекты антропологии писателя, интенционально выраженные при создании образа главного героя, которые так или иначе воплощают его представления о «положительно прекрасном человеке». Здесь становится возможным рассмотрение этических и аксиологических ориентаций писателя, проявленных в самой специфике архитектоники произведения как смыслового целого.

Евангельский контекст в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» изучается с различных позиций. Важна для нас широко известная статья А. Е. Кунильского, в которой автор утверждает особое понимание образа князя: он — «мирянин, как бы явившийся из времён апостольской церкви, живого христианства»⁴. Продуктивно использование таких

1 *Борисова В. В.* Евангельский текст в русской литературе и Достоевский: итоги и перспективы изучения // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18. № 4. С. 194.

2 *Иустин (Попович), прот.* Философия и религия Ф. М. Достоевского. Минск, 2007. С. 139.

3 *Касаткина Т. А.* Достоевский как философ и богослов: художественный способ высказывания. М., 2019. С. 18.

4 *Кунильский А. Е.* О христианском контексте в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» // Проблемы исторической поэтики. 1998. №5. С. 406.

понятий, как «христологический контекст» и «христологические мотивы», обоснованное в исследованиях О. В. Леушиной в глубинной связи со святоотеческой христологией⁵, что в целом продолжает и развивает традицию изучения «христологии» Достоевского Б. Н. Тихомирова⁶.

В нашей работе мы обращаемся не только к смыслопорождающей функции евангельского текста, но и к структуроопределяющей. Так, формообразующее действие евангельского текста в романе «Идиот» рассматривается С. В. Сызрановым⁷. Отмечает это и Т. А. Касаткина; по её мнению, Ф. М. Достоевский «...в самом “теле” художественного текста, в его сюжете и структуре ... сообщает нам нечто не только о персонаже — но и о сопоставленном с ним участнике истории Боговоплощения»⁸.

Проблемами евангельского текста в романе «Идиот» продолжают заниматься и многие другие исследователи, что говорит об актуальности изучения данной области литературоведения.

Как известно, Достоевский после долгих колебаний (первая редакция произведения) помещает в центр «Идиота» образ «положительно прекрасного» Льва Николаевича Мышкина. Данный персонаж представляет собой художественно объективированную модель христоморфного человека. С точки зрения архетипичности ему будет впоследствии противопоставлен образ Николая Ставрогина как контрастная мифологема. Связь между князем Мышкиным и «князем» Ставрогиным зеркально антиномична. Соотносится с ним также образ Кириллова — с позиций богочеловечества/человекобожества, а также в контексте мотивов невольного и вольного избранничества. Так, через образ главного героя в романе «Идиот» актуализируется архетипическая схема пришествия Богочеловека. В этой связи можно говорить о смыслопорождающей функции новозаветного и ветхозаветного контекста в произведении. О таком потенциале библейского интертекста писал В. М. Головкин, анализируя повесть Л. Ф. Нелидовой «Полоса», где особое направление мысли автора, «как и у Достоевского, “истекает из глубины христианского

5 *Леушина О. В.* Христологический контекст творчества Ф. М. Достоевского в романе «Идиот» // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2016. №4 (26). С. 30–35; *Леушина О. В.* Мотивика романа Ф. М. Достоевского «Идиот» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. №7–2 (73). С. 30–32.

6 *Тихомиров Б. Н.* «...Я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком»: Статьи и эссе о Достоевском. СПб., 2012. С. 5–262.

7 *Сызранов С. В.* Евангельский текст Достоевского в свете общих закономерностей формообразования. 2014. Т. 12. С. 275–295.

8 *Касаткина Т. А.* Достоевский как философ и богослов: художественный способ высказывания. М., 2019. С. 103.

духа” и обеспечивается смыслопорождающей ролью библейских отсылок, реминисценций, цитат и т. д.»⁹.

Достоевский выстраивает роман «Идиот» в прямом соотношении с евангельским текстом, что в большей степени связывается с фигурой Мышкина: это его речи-проповеди (о смертной казни — у Епанчиных, о вере — перед Рогожиным, о значении православия и «почвы» — перед «высшим светом»), а также многочисленные аллюзии, скрытые и явные цитаты из Библии, например, связь эпизода с ослом при въезде Мышкина в Базель с евангельским входом Господним в Иерусалим; отсылки к евангельскому чтению о Марфе и Марии и т. д. Но акцентируя внимание на нетождественности, некоторой условности соотношения образов князя Мышкина и Иисуса Христа, необходимо сказать, что евангельский текст в «Идиоте» является субстанциональным прасюжетом, со-организующим структуру текста и всё художественное пространство романа в целом.

Важное место в вопросе о «христологии» Достоевского занимает характерологический комплекс «положительно прекрасного человека», представленный в рукописных редакциях к «Идиоту», а затем художественно оформленный в самом произведении. В марте 1868 г. писатель уточнил замысел, разрешив некоторое своё творческое затруднение: «Герой романа Князь, если не смешон, то имеет другую симпатичную черту он *!невинен!*»¹⁰. Примечательно здесь графическое выделение слова «невинен» по отношению к герою, так как, на наш взгляд, проблема вины является одной из главных в понимании этого образа. Основные важнейшие идеальные компоненты характера князя выведены Достоевским также в рукописной редакции: «окончательно всегда готов винить себя»; «всё прощает, видит везде причины, не видит греха непростительного и всё извиняет»; «считает себя ниже и хуже всех»; «мысли окружающих видит насквозь»; «в детях находит людей и свою компанию»¹¹. Таким образом, очерчивая образ своего «положительно прекрасного человека», писатель очерчивает некоторое этическое ядро, сформированное в русле христианской религиозно-философской традиции.

В итоговом варианте романа вышеперечисленные черты проявлены во всей полноте. Так, всепрощение как характерологический компонент

9 Головки В. М. Смыслопорождающая роль библейского текста в повести Л. Ф. Нелидовой «Полоса» // Проблемы исторической поэтики. 2021. Т. 19. № 1. С. 289.

10 *!невинен!* обведено рамкой. См.: Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 9: Идиот. Рукописные ред. Вечный муж. Наброски, 1867–1870 гг. Л., 1974. С. 239.

11 Там же. С. 218.

модели «положительно прекрасного человека» Достоевского, выражен в тексте наиболее ярко. Особо значимым представляется нам эпизод пощёчины, снесённой князем от Гаврилы Иволгина: «Ганя... со всего размаха дал князю пощёчину <...> Князь побледнел. Станным и укоряющим взглядом поглядел он Гане прямо в глаза; губы его дрожали и силились что-то проговорить; какая-то странная и совершенно неподходящая улыбка кривила их»¹². Нельзя не отметить здесь аллюзию к евангельскому Слову: «Не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щёку твою, обрати к нему и другую» (Мф. 5, 39); а также «...любите врагов ваших, благословляйте клянущих вас, благотворите ненавидящим вас, и молитесь за обижающих и гонящих вас» (Мф. 5, 44). После пощёчины Ганя приходит к Мышкину с извинениями, а тот, в свою очередь, «был поражён чрезвычайно и, молча, обеими руками обнял Ганю. Оба искренно поцеловались»¹³.

Тут же проявляется эмпатичность и сострадательность как характерологические компоненты образа Мышкина. Сущность его образа выражает «the essence of religious feeling as expressed in one's heart — in an act of love or compassion aimed at another person»¹⁴ («суть религиозного чувства, выраженного в сердце — в акте любви или сострадания, направленном на другого человека»). В романе князь действует в позиции не «для себя», а принципиально «для другого», угадывая в иных персонажах то, чего другие не могут разглядеть. Таким образом, через особую диалогичность героя (в тоне карнавальной откровенности) формируется моноцентризм романа, выраженный в общем структурном движении к Мышкину всех сюжетных и персонажных линий. Говоря о поэтике карнавала в романе «Идиот», нельзя не отметить его связь со святоотеческим мотивом юродства. Феномен «перевёртывания» заложен в субстанциональной амбивалентности природы Мышкина, в парадоксальной нестыковке его цельного образа. По словам Т. А. Касаткиной, Достоевский насыщает данное произведение евангельскими аллюзиями «в самых неожиданных местах, превращая самые насмешливые и издевательские фразы о герое — в свидетельства Его природы...»¹⁵.

12 *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 8: Идиот: Роман. Л., 1973. С. 99.

13 Там же. С. 101.

14 *Vašković P.* A Path to Authenticity: Kierkegaard and Dostoevsky on Existential Transformation // *International Journal for Philosophy of Religion*. 2019. 87 (1). P. 102.

15 *Касаткина Т. А.* «Я великая, великая грешница»: Богословие греха в «Преступлении и наказании» и «Идиоте» // *Достоевский и мировая культура. Филологический журнал*. 2020. № 1 (9). С. 22.

Важно отметить, что такая центростремительность структуры романа «Идиот» определена самим замыслом автора о Мышкине как носителе особой «проникновенности» слова. Это Достоевский отмечает в рукописных редакциях к произведению: «Но где только он ни *прикоснулся* — везде он оставил неисследимую черту. И потому бесконечность историй в романе (*misérabl'ей* всех сословий) рядом с течением главного сюжета...»¹⁶. Так, в первой части романа, когда с точки зрения структурного построения преобладает моноцентризм как главный принцип устройства композиции и сюжетного развёртывания текста, на первый содержательный план выходит мессианский путь Мышкина, его особая синтетическая природа, восходящая к богочеловеческой. То есть, архетипическая ситуация «пришествия Бога» к людям находит своё выражение в возвращении к «жизни» главного героя романа, что сопровождается его попытками войти в хаос человеческого существования, воплотившись в «земном», человеческом облике.

Но в последних частях романа всё более актуализируется мотив приближающейся «смерти Бога», символом которой является в произведении картина Гольбейна. Реализуется данный мотив через различные искажения мира и человека: в изображении хаоса человеческих отношений, где «голоса-сознания», перебивая друг друга, образуют единый «полифонический» гул, который оказывается невыносим для Мышкина. В гнетущем беспорядке, противопоставленном желаемому князем гармоничному «порядку вещей», герой существовать не может. И чем ближе мы подходим к концу текста «Идиота», тем сильнее развивается трагический пафос потери Бога и апокалипсический мотив всепоглощающей смерти. Этот феномен выявляет совершающуюся деконструкцию структурной центростремительности художественного пространства романа «Идиот». Так, на смену мифологеме «пришествия» в мир живого и бессмертного Богочеловека, вложенной в качестве нравственного основания в образ Мышкина, приходит мифологема «смерти Бога» — умопомешательство князя и «Мёртвый Христос».

Особенно значимой также является динамика смыслоформирующей доминанты «Воскресения», просвечивающейся через образ Мышкина, связывающей «начала» и «концы» романа. Так, лиминальность фигуры Мышкина может рассматриваться в проекции пороговости образа в преддверии великого Воскресения. Как заявляет С. В. Сызранов, художественный итог романа «Идиот» — это «картина мира,

16 Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений. С. 242.

увиденная под знаком *преодолевающего смерть Воскресения* [здесь и далее курсив С. В. Сызранова], под знаком *длящегося, становящегося Воскресения...*¹⁷. И тот моноцентризм, являющийся одним из важнейших структурных принципов романной постройки, о котором мы говорили выше, особенно ярко выражается именно в имплицитной линии надежды на Воскресение.

Итак, мы можем заключить, что образ князя Мышкина и обусловленные его спецификой структурные особенности романа «Идиот» субстанционально связаны с евангельским текстом. Только через призму данного контекста может быть видна вневременная «синтетичность», заложенная в саму сущность персонажа. Евангельский текст занимает здесь основное место в процессе смыслопорождения и формообразования.

И именно поэтому в первой части романа, когда в содержательном плане актуализируется мессианский путь Мышкина, — в структуре текста преобладает принцип моноцентризма. Архетипическая ситуация «пришествия Бога» воплощается в фигуре Мышкина, что обуславливает наличие заложенного в нём характерологического комплекса «положительно прекрасного человека», а также особый (диалогический, в позиции «для другого») характер его взаимодействия с персонажами. А в последних частях произведения усиливается мотив приближающейся «смерти Бога», реализующийся в «полифоническом» хаосе человеческих взаимоотношений, описанных в «Идиоте». Смыслоформирующей является также динамика идеи Воскресения, без которой роман был бы обречён на утверждение торжества смерти.

Все вышеописанные выводы не могут быть обнаружены и рассмотрены вне соотнесения текста с евангельским контекстом. Перспективы развития данных исследовательских вопросов мы видим в развитии проблем христоморфности в отношении образа Мышкина, в соотнесении их с архитектурными особенностями романа, а также в продолжении работы с понятием интертекстуального смыслопорождения в русле религиозно-философской герменевтики творчества Ф. М. Достоевского.

17 Сызранов С. В. Евангельский текст Достоевского в свете общих закономерностей формообразования // Проблемы исторической поэтики. 2014. Т. 12. С. 289.

Источники

- Библия: Новый Завет. Евангелие от Матфея. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.patriarchia.ru/bible/mf/> (дата обращения: 22.06.2022).
- Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 8: Идиот; Роман. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1973; Т. 9: Идиот; Вечный муж; наброски 1867–1870. Рукописные ред. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1974.

Литература

- Борисова В. В.* Евангельский текст в русской литературе и Достоевский: итоги и перспективы изучения // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18. № 4. С. 186–208.
- Головкин В. М.* Смыслопорождающая роль библейского текста в повести Л. Ф. Нелидовой «Полоса» // Проблемы исторической поэтики. 2021. Т. 19. № 1. С. 283–307.
- Иустин (Попович).* Философия и религия Ф. М. Достоевского. Минск: Изд. Д. В. Харченко, 2007.
- Касаткина Т. А.* Достоевский как философ и богослов: художественный способ высказывания. М.: Водолей, 2019.
- Касаткина Т. А.* «Я великая, великая грешница»: Богословие греха в «Преступлении и наказании» и «Идиоте» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2020. № 1 (9). С. 16–30.
- Кунильский А. Е.* О христианском контексте в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» // Проблемы исторической поэтики. 1998. №5. С. 391–408.
- Леушина О. В.* Христологический контекст творчества Ф. М. Достоевского в романе «Идиот» // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2016. №4 (26). С. 30–35.
- Леушина О. В.* Мотивика романа Ф. М. Достоевского «Идиот» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. №7–2 (73). С. 30–32.
- Сызранов С. В.* Евангельский текст Достоевского в свете общих закономерностей формообразования // Проблемы исторической поэтики. 2014. Т. 12. С. 275–295.
- Тихомиров Б. Н.* «...Я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком»: Статьи и эссе о Достоевском. СПб.: Серебряный век, 2012.
- Vašković P.* A path to authenticity: Kierkegaard and Dostoevsky on existential transformation. International journal for philosophy of religion, 2019. 87(1). P. 81–108.